

В. И. Дулов. *Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX века*, М., 1956. Изд. Ин-та истории АН СССР и Тувинского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории, 607 стр. + 1 карта.

Большая работа В. И. Дулова, посвященная исследованию социально-экономической истории Тувы за период XIX — начала XX вв., состоит из 10 глав, предисловия и заключения. К ней приложены перечень литературных и архивных источников и указатели. В двух первых главах (стр. 9—58) дается историографический очерк, почти исчерпывающий литературу о Туве, включая и мелкие статьи, и характеристика исторических источников. Автор критически излагает существующие концепции по истории Тувы и знакомит читателя с огромным и ценнейшим документальным материалом, исследованным им в архивах Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Москвы, Ленинграда и других городов. Глава третья (стр. 59—113) посвящена обзору хозяйства тувинцев в XIX в. на основании отрывочных, преимущественно этнографических данных и носит в основном описательный характер. Четвертая глава (стр. 114—166) затрагивает вопрос о пережитках общинно-родового быта и вводит в литературу о тувинцах материал, полученный автором в результате полевой работы. Обширная по объему пятая глава (стр. 167—263) дает характеристику патриархально-феодальных отношений у тувинцев. В ней много данных о классовом расслоении тувинцев, о формах собственности, о своеобразных формах эксплуатации. В этой главе, как и в предыдущей, автор нередко и вполне закономерно обращается к исследованиям и фактическому материалу по аналогичным вопросам, относящимся к соседям тувинцев, в частности к алтайцам. В следующей, шестой главе (стр. 264—306) В. И. Дулов исследует вопрос о классовой борьбе и освободительном движении тувинского народа в XIX — начале XX в. и устанавливает их особенности. И здесь он вводит в сферу исследования новый, интересный материал и, как и в предшествующих главах, делает подытоживающие и обобщающие выводы. В седьмой главе (стр. 307—353) автор пишет о возникновении и развитии русской торговли, золотопромышленности и крестьянских промыслов в Туве, рассматривая все это в связи с политикой царизма в Туве. В восьмой главе (стр. 354—474) изложена история русской крестьянской колонизации в Туве и выяснено ее историческое значение для Тувы, дан по районам обзор жизни русского крестьянского населения в Туве в XIX — начале XX вв. и анализ его классового расслоения. Здесь же освещены вопросы колониальной политики правительства императорского Китая по отношению к тувинцам и политика русского царизма. Девятая глава (стр. 475—534) носит название «Зарождение элементов капитализма в Туве». Она начинается с характеристикой развития капитализма в Сибири. Затем в ней сообщаются материалы о развитии золотопромышленности в Туве, о разработках асбеста, о проникновении в Туву иностранного капитала, о строительстве г. Белоцарска (Кызыла) и дорожном строительстве, о характере русской и китайской торговли в Туве в начале XX в., о развитии денежного обмена, об экономических связях Тувы и дореволюционной России. Глава эта заканчивается выяснением влияния предпринимательства на социально-экономические отношения в Туве. Наконец, в последней, десятой по счету главе (стр. 535—555), автор описывает разложение натурального хозяйства тувинцев под влиянием торгово-ростовщических элементов. Работа заканчивается кратким заключением (стр. 556—567), подводящим итоги исследованию и формулирующим основные теоретические выводы автора. В качестве приложений даны указатели литературных и архивных источников, имен, географических и этнографических названий.

Таково вкратце содержание книги В. И. Дулова. Можно отметить, что исследование состоит в общем из двух больших частей. Первая из них (главы III—VI) дает характеристику общественного строя тувинцев за исследуемый период, а вторая (главы VII—X) выясняет формы колониальной политики в Туве маньчжурской династии Китая и русского царизма, характер и значение русско-тувинских экономических и культурных связей, влияние их на социально-экономические отношения тувинцев.

Книга В. И. Дулова является ценным вкладом в исследование истории таких народностей, которые в прошлом не имели своей письменности. Заслуга их изучения принадлежит целиком советской науке. К сожалению, В. И. Дулов слишком ограничил хронологические рамки своего исследования. Вследствие этого он не смог показать происхождение или становление весьма важных явлений социально-экономической жизни, описываемых им: например, различные формы общины, патриархально-феодальные отношения и т. д.

Исследование социально-экономических отношений тувинцев в более ранний период, например XVII—XVIII вв., как и вообще истории тувинского народа, включая вопросы его происхождения, культуры и быта, остается по-прежнему весьма важной научной задачей. Для этого необходимо расширить круг изучаемых исторических источников, особенно русских письменных, относящихся к XVII и XVIII вв., опубликованных и неопубликованных (хранящихся в фондах Центрального Государственного Архива Древних Актов в Москве и др.). Нужно смелее и шире привлекать этнографический, фольклорный и археологический материал.

Переходя к рассмотрению рецензируемой книги в плане задач, которые поставил перед собой автор, мы должны отметить прежде всего, как основное ее достоинство, то, что В. И. Дулов создал убедительную концепцию социально-экономической истории Тувы XIX и начала XX в. (до 1917 г.), выявив и собрав обширный исторический

материал, используя опыт и достижения советских исследователей в их работе в районах, смежных с Тувой.

Центральным вопросом, разработанным В. И. Дуловым в первой части исследования, является вопрос о классовом расслоении тувинцев. В. И. Дулов привлекает для этого большой фактический материал, не только суммируя все, что имеется по этому поводу в литературе (преимущественно мелкие отрывочные замечания путешественников и этнографов), но и вводя в научное обращение новый материал, как обнаруженный автором в архивах, так и собранный им лично. Это позволило автору определить различные формы частной феодальной собственности на землю (на пастбища, кочевья и другие угодья), на скот. Накапливается большой фактический материал о феодальной собственности на землю у различных кочевых народностей.

Однако автором не рассмотрена феодальная собственность на землю тувинских ламаистских монастырей. Выявление и привлечение такого материала, не освещенного в литературе и вообще не изученного, усилило бы аргументацию высказанного автором положения о ведущей роли феодальной земельной собственности в общественно-экономических отношениях кочевников-скотоводов Тувы¹.

В рецензируемой книге впервые дается подробное описание и характеристика общественных классов у тувинцев. В. И. Дулов обстоятельно характеризует господствующий феодальный класс в Туве (монгольские князья, тувинские нойоны и чейзены, тувинское дворянское чиновничество, верхушка тувинского ламства) и выясняет происхождение некоторых категорий тувинских феодалов, показывая, что они произошли из зайсанов-чейзенов, в которых он видит родовую знать — родовых старейшин, родоначальников. Последнее утверждение сомнительно как на основании того, что мы знаем относительно зайсанов (не имеющих ничего общего с подлинными родовыми старейшинами) у алтайцев и западных монголов, так и того, что сам термин зайсан, как известно, китайского происхождения и связан с административно-чиновничьей терминологией. Да и у тувинцев родовые экономические отношения так давно разложились, что родовые старейшины в настоящем смысле этого слова не были известны уже многим поколениям. Родоплеменная знать у тувинцев, как и у многих кочевых народов, уже давно (по крайней мере, по дошедшим до нас источникам, с XVII в.) стала феодальной семейной знатью. Тем не менее нельзя не поставить в заслугу автору впервые появляющееся в научной литературе подробное описание социально-экономических отношений у тувинцев, описание тувинских зайсанов и байства, феодально-теократической верхушки и основных черт их хозяйства, натуральных поборов (суузен, эть-албан) и т. п. Большой научный интерес, значение которого выходит за рамки тувинской истории, представляет характеристика феодально-зависимого класса тувинцев. В. И. Дулов устанавливает в нем постоянно зависимых аратов (эштинчилеры, эджимы, хулечеки, чалча, огулы) и относительно свободных аратов (албату), владевших собственным небольшим хозяйством. Таким образом, вместо однородной, безликой массы тувинцев, какими они обычно представлялись в старых этнографических описаниях, В. И. Дулов впервые дает полную научную характеристику общества тувинцев, каким оно было в действительности на протяжении XIX — начала XX вв.

Однако существенным пробелом в исследовании общественных отношений тувинцев, о котором упоминает и сам автор, является отсутствие характеристики своеобразной формы их сельской общины. В науке вопрос о бытовании и формах сельской общины у кочевых народов еще совершенно не разработан (мы имеем в виду при этом конечно, научное определение сельской общины, впервые данное К. Марксом, характеризовавшим эту общину со стороны ее экономического содержания.) Многие наши авторы, в том числе и В. И. Дулов, касаясь хотя бы мимоходом вопроса об общине у кочевников, обычно судят о ней главным образом по тому, состоит ли община из кровных родственников или нет, и в зависимости от этого определяют: родовая это община или территориальная (соседская или сельская). На деле же главным различием между родовой и сельской общиной является прежде всего форма собственности членов общины на основные средства производства. Если в общине господствует коллективная собственность на основные средства производства, то только в этом случае можно говорить о первобытной общине (родовой, если члены ее принадлежат к одному и тому же роду). Но если в общине преобладающим является сочетание общинной и частной собственности на основные средства производства, то независимо от того, состоит ли данная община из кровных родственников или она включает и чужеродцев, это будет сельская община, которую у кочевников можно назвать кочевой аульной общиной².

Большой теоретический интерес представляет также подробное описание и научный анализ форм эксплуатации у тувинцев (саал ижер, холэзер мал бер, албан, ундурюг, уртельная повинность, качага, или медэчи). В. И. Дулов, используя обширный тувинский материал, дает новые, хорошо обоснованные заключения о патриархально-феодальной природе этих форм эксплуатации у кочевников (конец пятой главы), подкрепляя концепцию советских ученых. Выводы, сформулированные В. И. Дуловым в конце V главы, еще больше укрепляют и расширяют фактическую базу, на которой

¹ См. Р. Кабо, *Очерки истории и экономики Тувы*, М.—Л., 1934, стр. 62—63.

² См. нашу статью «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народностей Средней Азии и Казахстана», *«Вопросы истории»*, 1954, № 6.

советские исследователи развивают концепцию о ранних формах феодальных отношений у кочевников.

В. И. Дулов ставит вопрос о наличии и формах у тувинцев классового расслоения и классовой борьбы. Автор устанавливает лишь зачаточные, стихийные формы этой борьбы и протеста, которые он усматривает не только в отказе аратов исполнять повинности или в покушениях на жизнь отдельных чиновников, но и в таких распространенных явлениях тувинской жизни, как скотокрадство и «дургун», сопровождавшиеся раздачей угнанного скота бедноте, не принимавшей участия в набегах. Особенно интересно определение скотокрадства в условиях разложения рода как формы борьбы аратов с нарушением традиции общинной собственности. С этой точки зрения получается новое обоснование и трактовка скотокрадства в сопоставлении с тувинским обычаем «туткаш» (отражавшим господство в прошлом первобытно-общинных отношений у тувинцев).

Более высокие и организованные формы проявления классового антагонизма у тувинцев В. И. Дулов видит в выступлении части тувинцев в 1876—1878 гг. против китайских и собственных чиновников, против русских торговцев и в известном «восстании 60 богатырей», как оно именуется в тувинской прессе, или «алдан тургун», значение которого преувеличено и даже несколько идеализировано тувинскими деятелями того времени, писавшими на эту тему. Автор оценивает движение 1876—1878 гг. как освободительное движение небольшой части тувинских аратов против гнета тувинских баев и чиновников, против колониального режима. Но он правильно обращает внимание на реакционность стремления к восстановлению обычного права родового общества, которое мешало аратам осознать свои классовые интересы в этом движении. Народное недовольство феодально-колониальным угнетением искусно направлялось эксплуататорами в русло борьбы за родовые права, что использовалось чейзенами отдельных родов в классовых целях.

Заслугой автора нужно признать установление даты (1883—1885 гг.) движения «алдан тургун» и показ антифеодального характера этого вооруженного выступления группы тувинских аратов, преодолевших патриархально-родовую замкнутость, а также причин их поражения.

Однако не со всеми положениями, выдвинутыми В. И. Дуловым в первой части его книги, можно согласиться. Читатель получает неправильное представление, что тувинский народ распадался якобы до самого последнего времени на кровнородственные роды. В. И. Дулов заключает это из того, что тувинцы относят себя к той или иной родовой или племенной группе, имеющей собственное наименование. В действительности же речь идет о наименованиях самых различных по происхождению мелких административных, родоплеменных и территориальных групп, которые не успели еще полностью консолидироваться. Наличие таких мелких групп с особыми наименованиями отражает лишь весьма сложный этнический состав современных тувинцев и служит важным материалом для выяснения тех этнических элементов, из которых сложилось население Тувы. Возьмем, например, часть тувинцев, сохранившую наименование «кыргызы». Это, конечно, потомки известных енисейских кыргызов, которые неоднократно переселялись группами в Туву в XVII и в начале XVIII в. Группа тувинцев, имеющих себя телегиты, включает потомков алтайских телегитов, предки которых в различное время выселились в Туву с Алтая. Иргитов также нельзя считать родом тувинцев, ибо в XVII в. иргиты составляли родоплеменную группу енисейских киргизов, обитавшую в районе р. Июса рядом с сагайцами³. Позднее иргиты вошли в состав не только тувинцев, но и алтайцев и хакасов. Мады, или матцы, в XVII в. кочевали как по северную сторону Саян, нередко появляясь под гор. Томском вместе с кучугутами, телеутами и другими, так и по рр. Кемчику и Енисею. Группа чооду в XVII и частью даже в XVIII в. была самодийскоязычной. Представители этой, видимо племенной, группы вошли в этнический состав тувинцев, хакасов, алтайцев. Саяны и точи часто упоминаются в русских исторических документах середины XVII в. Часть их кочевала в это время по р. Катунь и в окрестностях Телецкого озера, по соседству с телесами⁴. Туматы — хорошо известный этноним западных монголов. Некоторые группы туматов, в результате весьма сложных исторических событий, связанных с образованием и распадом Джунгарского государства, оказались вошедшими в состав алтайских телеутов и тувинцев. Орчаки — также известная по русским источникам XVII в. тюркоязычная группа, кочевавшая обычно в контакте с телеутами в бассейне верхнего течения Оби. Кучугуты тоже часто упоминаются как особая группа, выступавшая обычно вместе с орчаками, телеутами, мадами и т. д. Все эти наименования, как и некоторые другие, нетрудно обнаружить в документах XVII в., касающихся территории Саяно-Алтайского нагорья и прилегающей к нему Минусинской котловины, и выяснить их историю. Кстати сказать, довольно значительная часть населения северной и северо-восточной Тувы входила, по крайней мере в конце 1650-х гг., в состав так называемой Саянской (и частично Тубинской) земли Красноярского уезда; эти тувинцы считались подданными Русского государства и вносили ясак. Нельзя сказать, чтобы автор полностью обошел эти факты. Он, конечно, не мог не обратить на них внимания

³ Дополнения к Актам историческим, т. VII, документ № 72.

⁴ Дополнения к Актам историческим, т. III, стр. 319; т. VII, стр. 333; Акты исторические, т. IV, стр. 149 и др.

и сделал несколько несомненно правильных сопоставлений таких «родовых» названий с наименованиями отдельных групп населения Саянского нагорья, зафиксированных русскими письменными источниками XVII в. Однако коснулся этого он лишь мимоходом, не ставя перед собой задачи характеристики этнического состава тувинцев. Приводя данные о «родоплеменном» составе тувинцев, В. И. Дулов, к сожалению, не осветил (хотя бы в вводной части) вопроса об административном делении Тувы и расселении тувинцев.

Несмотря на то, что ряд вопросов, рассматриваемых автором, уже освещался в дореволюционной, а частично и в советской литературе, следует отметить и оригинальность, и хорошую аргументацию высказываний по этим вопросам. Особенно привлекает внимание обширная восьмая глава, посвященная исследованию русской крестьянской колонизации Тувы и выяснению исторического значения этого факта. Здесь автор впервые ставит и намечает решение вопросов периодизации крестьянской колонизации, направления политики русского царизма в Туве в XIX в., создания и деятельности царской переселенческой организации в Туве, классового расслоения русского крестьянства, аграрного вопроса. Наибольшее научное значение имеют выводы В. И. Дулова по истории русской крестьянской колонизации. Деятельность русских и китайских торговцев, маньчжуро-китайских и тувинских чиновников, тувинской феодальной и ламской верхушки разрушала производительные силы тувинского народа; русское же крестьянское земледелие и промыслы и несравнимо более высокие формы материальной и духовной культуры русского трудового народа, постепенно распространяясь среди тувинцев, способствовали повышению их культурного уровня. Передавая трудящимся тувинцам навыки к более высоким и производительным формам труда, русское трудовое крестьянство в свою очередь усвоило от тувинского народа практический опыт в некоторых отраслях производства. Далее, автор обращает внимание и на то обстоятельство, что капиталистические отношения, которые развивались в русской деревне в Туве, способствовали проникновению их к тувинцам, ликвидации патриархальности и отсталости их социальных отношений. Наконец, общение русских батраков и бедняков, обладающих более высоким классовым сознанием, с широкими слоями трудящихся тувинцев оказывало положительное влияние на политическое развитие тувинских аратов. Русские батраки и бедняки, пишет автор, были в Туве проводниками влияния революционных идей, они связывали тувинскую бедноту с героическим русским пролетариатом. И только эта историческая связь могла обеспечить победу революции в Туве.

Две последние главы работы представляют оригинальный и обстоятельный очерк разложения натурального хозяйства тувинцев. Показав связь появления капиталистических отношений в Туве с развитием капитализма в Сибири, интерес к Туве и проникновение в нее иностранного западноевропейского капитала, борьбу за монопольное влияние русского и китайского торгового капитала, В. И. Дулов показывает на новом фактическом материале дальнейшее развитие имущественного неравенства (на основе неравномерного распределения скота) у различных социальных групп тувинцев и указывает на образование общественных групп в результате разложения аратства, на развитие предпринимательства у буржуазного тувинского байства, на зарождение капиталистических элементов непосредственно в тувинском производстве, на новые формы эксплуатации. Нельзя не согласиться с общими исследовательскими выводами этой работы. В. И. Дулов приходит к заключению, что с конца XVIII в. Тува оказалась на положении колонии Цинской династии, правившей Китаем. Колониальная политика маньчжурской династии по отношению к Туве не только сопровождалась хищнической эксплуатацией, тяжелыми разорительными поборами и обрекала тувинцев на постепенное вымирание, но была направлена также на сохранение отсталых патриархально-феодалных отношений, на экономическую, политическую и культурную изоляцию Тувы. Только русская крестьянская колонизация, установление и развитие экономических связей Тувы с Россией вывели производительные силы Тувы на путь развития, вызвали разложение патриархально-феодалных отношений, способствовали некоторому культурному прогрессу тувинского народа. Указанные связи послужили фундаментом для культурного и политического сближения тувинского народа с русским, приобщения его к более высокой русской народной культуре. В 1912 г. произошло большое стихийное восстание тувинских аратов против китайских эксплуататоров, в результате которого были совершенно изгнаны из Тувы маньчжуро-китайские угнетатели. Китайские торговцы были изгнаны с территории Тувы, а торговые фактории их разрушены и сожжены. Значительная часть тувинских аратов поддержала вооруженное восстание против китайских колонизаторов, вспыхнувшее в северо-западной Монголии. Это народно-освободительное движение, при отрицательном отношении к нему тувинских феодалов, принесло трудящимся-тувинцам избавление от векового гнета маньчжурской династии и позволило им самостоятельно решить свою дальнейшую историческую судьбу в соответствии с жизненными интересами тувинского народа и его историческим тяготением к русскому народу. Переход под покровительство России был важным моментом в истории Тувы, предопределившим переход населения ее от отсталых застойных форм хозяйства, социально-экономических отношений, культуры и быта к более высоким формам. Этот акт объективно послужил предпосылкой к более тесному сближению трудящихся тувинцев с русским трудовым народом. Вся дальнейшая история тувинского народа, включительно до наших дней, является блестящим подтверждением прогрессивности упомянутых исторических событий в жизни тувинцев.

Выход в свет рецензируемой книги В. И. Дулова является ценным вкладом в тот раздел советской исторической науки, который посвящен разработке вопросов истории отдельных народов СССР.

Совершенно непонятно, чем руководствовалось Издательство АН СССР, выпуская эту первую книгу по истории тувинского народа, численность которого составляет около 100 тысяч человек, таким небольшим тиражом. Эта, столь необходимая для рядового тувинского читателя книга становится библиографической редкостью уже в момент ее выхода. Неужели она издана только для узкого круга специалистов?

Л. П. Потапов

М. А. Сергеев. *Некапиталистический путь развития малых народов Севера*. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXVII, М.—Л., 1955, 569 стр.

Одной из сложных задач, вставших перед Коммунистической партией и Советским правительством в ходе социалистического строительства в нашей стране, была задача приобщения к социализму, подъема на социалистических началах хозяйства и культуры так называемых малых народов Севера. Правильное решение этой задачи имеет важное теоретическое и практическое значение. Успешное осуществление социалистических преобразований на Крайнем Севере СССР является ярким подтверждением правильности известного положения В. И. Ленина о том, что с «помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

За годы Советской власти народы Крайнего Севера достигли огромных успехов в экономическом и культурном развитии. В результате проведенных под руководством Коммунистической партии социалистических преобразований, с помощью других народов Советского Союза, обеспечен подъем хозяйства северных народностей. Они располагают сетью школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений, имеют значительную группу своей интеллигенции. В тундре и тайге созданы благоустроенные поселки, ставшие центрами хозяйственной и культурной жизни коренного населения Советского Севера.

Труд М. А. Сергеева является первой попыткой обобщить замечательный опыт социалистического строительства на Крайнем Севере СССР. На огромном, хорошо подобранном фактическом материале автор книги проанализировал культуру малых народов Севера в дореволюционный период, дал развернутую характеристику их исторической отсталости и показал конкретную обстановку, в которой Коммунистической партии пришлось проводить сложную работу по возрождению и переводу на социалистический путь развития самых отсталых народностей России. В этом заключается несомненная ценность рецензируемой книги. Вместе с тем нельзя обойти молчанием некоторые имеющиеся в ней спорные, а подчас и неправильные положения.

Автор со знанием дела показал значение оленеводческого хозяйства и его особенности по сравнению с промысловым, отметив, что эти типы хозяйства «распадались на две отличные друг от друга группы» (стр. 19). Вместе с тем, определяя специфику хозяйства Севера, М. А. Сергеев пишет, что «промысловое содержание производства составляет первую отличительную черту хозяйства малых народностей, характеризующую его примитивность», что «основой производства, на которой покоилась хозяйственная деятельность, являлись именно промыслы» (стр. 19)². Однако данные, приведенные автором на стр. 11, показывают, что 94,3% кочевых хозяйств и 21,1% оседлых занимались оленеводством. Учитывая, что безоленьные и малооленьные кочевники работали у богатых оленеводов (о чем в ряде мест правильно пишет автор), можно утверждать, что оленеводство являлось основой примерно половины общего числа хозяйств малых народностей Севера. Приводить это хозяйство оленеводов и промысловиков к общему знаменателю — «промысловой основе» и «промысловому содержанию производства» автору не следовало бы.

Оговариваясь, что к оценке книги М. А. Сергеева я подхожу с позиций практика. Вопрос об основе хозяйства Севера имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Теорией о «промысловой основе» народного хозяйства на Севере некоторые работники обосновывали перевод в конце 1930-х — начале 1940-х гг. существовавших там колхозов на устав рыболовецкой артели³. В связи с изменением уставной формы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 219.

² Следует, однако, отметить, что данные переписи 1926/27 гг. о валовом доходе, которыми оперирует М. А. Сергеев, во-первых, неточны, особенно по оленеводству; во-вторых, на основании только показателю по валовому доходу нельзя определять основу производства в целом для всех районов Севера.

³ В Ямало-Ненецком национальном округе из 90 колхозов 71 стали рыболовецкими; в Якутской АССР 262 колхоза были переведены на устав рыбоартели, а после исправления допущенных ошибок в этой республике осталось всего 16 рыболовецких колхозов.